

УДК 398.3

МАЗАЛОВА Наталья Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии восточных славян и народов Европейской России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Санкт-Петербург). Автор 150 научных публикаций, в т. ч. трех монографий

НАРОДНОЕ ХРИСТИАНСТВО И МАГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КЕНОЗЕРСКОЙ «ЗНАЮЩЕЙ»

В последние десятилетия в отечественной науке активизировалось изучение народного православия как целостной религиозной, ритуально-мифологической системы. Целью данной статьи являются описание и интерпретация репертуара «магических» текстов и практик А.А. Артемьевой – кенозерской «знающей», которая принадлежит к известной на Кенозере семье сказителей Сидоровых. Важное место в статье занимает структурно-функциональный анализ системы связей и отношений между элементами канонического православного богословия и народного благочестия. Источниковую основу исследования составили полевые материалы автора, полученные в процессе экспедиционного изучения традиционной культуры Кенозерья (Плесецкий и Каргопольский районы Архангельской области) летом 1991 года. Основу методологического каркаса статьи составляет методика сравнительно-исторического исследования народной религиозности, позволяющая не только выявить в ее структуре разновременные исторические напластования (церковно-догматическое учение и магический опыт), но и определить их «удельный вес» и механизмы взаимосвязей между ними. Автор раскрывает источники христианских элементов мировоззрения ритуального специалиста – канонические библейские тексты и апокрифы, которые получили широкое распространение в среде старообрядцев. Языческие (вне- или дохристианские) компоненты целостной религиозной системы являются отражением соответствующих мифологических представлений локальной традиции кенозер. Рассматриваемые нарративы, записанные от «знающей» и представляющие контаминацию архаических и христианских мотивов и образов, во многом являются уникальными. Изучение мировоззрения ритуального специалиста позволило сделать вывод о том, что магические представления в нем сочетаются с христианскими и нередко перетекают друг в друга. Сама «знающая» считает греховной деятельность колдунов, а свои магические практики – угодными Богу.

Ключевые слова: народное христианство, «знающие» Кенозера, ритуальный специалист, магические практики, «тайное» знание.

Изучение «народного христианства», имеющее длительную историю, до настоящего времени остается одним из ведущих в исследованиях духовной культуры русского народа. Долгое время акцент делался на характере соединения двух религиозных систем – язычества и христианства – в рамках концепции двоеверия [1, с. 217–226; 2, с. 323]. В настоящее время большинство отечественных исследователей разделяют точку зрения, согласно которой необходимо изучать различные формы соединения языческих и христианских компонентов в народной религиозности [3]. По мнению Н.И. Толстого, «народное христианское мировоззрение <...> нельзя считать и называть двоеверием, поскольку оно цельно и представляет собой единую систему верований» [4, с. 146]. Е.М. Смилянская, исследуя понятие «народное православие», задается вопросами: «...Каковы в этой религии коренные представления о Боге, иерархии ценностей, соотношения мира небесного и мира земного и мира потустороннего <...> Как можно описать “народную религию”, нежели начав с изучения религиозности индивида в конкретную историческую эпоху?» [5, с. 12–13].

Для исследования характера сочетания магического и христианского в мировоззрении отдельной личности мы обратимся к одной из ярких носительниц народного христианства – Агафье Александровне Артемьевой (1909–1998), известной на оз. Кенозеро «знающей». А.А. Артемьева являлась своеобразным аккумулятором традиции, причем в значительной мере местной. Она происходит из семьи кенозерских сказителей Сидоровых. Традиционные представления получала в семье: ее дед и дядя были прекрасными знатоками локальной традиции кенозер. Ее лекарские способности и лекарская деятельность определяются традиционными представлениями о «знающих», о болезнях, лекарском зна-

нии и вместе с тем – прекрасным знанием народного христианства. Сведения, записанные от А.А. Артемьевой, характеризуют не только особенности традиции, но и ее личность и мировоззрение, в котором сочетаются магические и христианские элементы.

Агафья Александровна какое-то время училась в церковно-приходской школе, но не умела ни писать, ни читать, могла лишь написать свою фамилию. Хотя сама не читала Библию, великолепно знала библейские тексты, которые слышала в семье. Помимо канонических текстов ей были знакомы и апокрифы. А.А. Артемьева происходила из старообрядческой семьи [6, с. 47]; как известно, у старообрядцев была чрезвычайно развита письменная культура, а в числе письменных памятников имелось множество апокрифов [7, с. 94, 95]. Центральное место в иерархическом устройстве картины мира отводится Богу; по представлениям А.А. Артемьевой, у каждой стихии есть хозяин – у воды, земли, неба: «...Хозяин – морской царь и морская царица, и земной царь и земная царица, а на небесах Бог»¹, но главную роль в жизни играют крест и христианская молитва – символы веры, символы следования заветам Христа, принадлежности христианской вере и также обереги: «Крест да молитва всему голова»². Агафья Александровна была твердо убеждена, что люди в жизни должны следовать заповедям Христа. Так, она рассуждала о взаимных обязанностях родителей и детей: «Ты доведи до ума своего ребенка – это наказывает Господь родителей, а ребенок не придет пока в свой толк, ум, с его не спрашивается»³. В соответствии с другой заповедью – «Чти отца и мать своих» – дети в свою очередь должны уважать своих старых родителей и заботиться о них.

По мнению Артемьевой, судьбу человека, его жизненный путь определяет Бог, т. е. судьба является неким приговором, совершаемым

¹АМАЭ РАН (Арх. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Рос. акад. наук). Ф. К-1. Оп. 2. № 1708. Л. 22. Полевые материалы автора. Плесецкий р-н Архангельской обл. 1991 г. Мазалова Н.Е.

²Там же. № 1707. Л. 32.

³Там же. Л. 88.

Богом и персонифицированными посланцами – заместителями Судьбы: Долей, Недолей: «Доля, недоля, кажно место – все от Бога, только сейчас все отвращено»⁴. Свой преклонный возраст она объясняет милостью Божьей и своей «праведностью»: «Господь сказал, ежели человек будет праведный, могу веку прибавить, а неправедный – нет. И терплю до конца»⁵. Два сына А.А. Артемьевой утонули, их страшную смерть она объясняла любовью Бога: «Она все говорила, что Господь любит тех людей, у кого он забирает. Ну, если кого-то забирает, она все говорила, что Господь любит»⁶.

По семейной легенде, к Агафье Александровне по реке приплыла икона. С иконами, приплывшими по реке, на Руси всегда были связаны чудесные истории. На местах, где находили иконы, строили храмы, часовни. То, что икона приплыла именно к Агафье Александровне, является свидетельством ее избранности, исключительности, следования ею заповедям Христа и их проповеди.

Долгие годы А.А. Артемьева была хранительницей часовни Афанасия архиепископа Многомилостивого в д. Тарасово. Она открывала ее на праздники, молилась там; ее внучки вспоминают: «Она постоянно, вот они там часовня была в деревне-то, и она постоянно туда в часовню там ходила, мыла, и мы там с ней тоже ходили, мыли эту часовню, там вот это все убирала, эту всю пыль, это все, она постоянно <...> в часовне этой была»⁷; «Она религиозным была человеком и нас она учила, что Татьяну Викторовну, что меня. Таскала постоянно в церковь, а мы не хотели стоять ни на каких коленях и нигде, но нам пришлось стоять,

потому что бабушка тут она иначе нас. Вот стояли, вот эти все Пасхи ходили»⁸.

Любое деяние Артемьева начинала с молитвы: «Каждое утро встанет, она все молитвы прочитает, а потом только <...> только тогда садилась за стол. Вначале молитвы <...> Так изо стола выходит, молитву читает. Вот она этого старого временихватила, а мы-то уже <...> Мы-то безбожники. Росли, так все церкви были ликвидированы. Молилась, все праздники знала. Как же она все знала. Чтоб дети не болели, она тоже знала, много. Кого еще может сплязят. Вот тут все говорят: “Сглазили”. Так она молитву знала»⁹. Отметим, что информант смешивает понятие канонической молитвы с народной «молитвой» (заговором). Агафья Александровна читала молитвы, выходя из дому, идя на работу, на сеанс лечения и т. п.: «Господи, благослови мою работку». Во время грозы непременно читает, как она считает, «молитву», на самом деле апокрифическую: «Обереги, Господи, от молнии, от огня <...> мой домок, хлевец, дворец и скотинку божоную, окна и двери».

Когда А.А. Артемьева тяжело болела в молодости, она «дважды ходила по обету к “Макарию преподобному” (в монастырь Макарьевская Хергозерская мужская пустынь). Известность монастыря определялась тем, что здесь хранилась особо почитаемая чудотворная икона Макария Унженского и Желтоводского, которая славилась чудесами. Возле монастыря было Макарьевское озеро: “...В озере купались, у многих завет кладен”»¹⁰. Люди, давшие обет, также на коленях ползли вокруг озера. Это достаточно архаичный обычай, воспринявший христианскую окраску; он был описан Д.К. Зелениным [8].

⁴АМАЭ РАН. ... Л. 88.

⁵Там же. Л. 73.

⁶Научный архив ФБГУ «Национальный парк «Кенозерский» (г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 78). Ф. 7. Оп. 8. Д. 358.

⁷Там же.

⁸Там же.

⁹Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 7. Оп. 8. Д. 358.

¹⁰АМАЭ РАН. ... Л. 35.

На озере Кенозеро много священных роц, в которых ставили кресты, посвященные какой-либо иконе; на них также вешают пелены. Сама А.А. Артемьева вешала пелену, когда болела, и рекомендовала делать это своим пациентам: «Если ребенок болеет, то на пелене ребенка (изображение. – Н. М.) вышивали, бардовали, раньше Господу бардовали»¹¹. Внучка вспоминает, что до самой смерти А.А. Артемьева вышивала «пелены» и вешала их на кресты¹².

Агафья Александровна была знакома с таинствами и обрядами православной церкви, и она в некоторых ритуальных ситуациях заменяла священника: крестила «по-мирскому» (по мирскому чину) своих детей и внуков, а также детей односельчан; мирское крещение было распространено в советское время. Она также отправляла некоторые элементы погребального обряда – «кадила» мертвых. Долгие годы она была хранительницей кадилы в д. Тарасово. Артемьева напоминает «молитвенниц» в русской традиции.

«Знающая» обходила с иконой пожары: «...Она все пожары она это, иконой ходила, все пожары тушила. Вот тут у нас школа горела, здесь вот наша школа сейчас новая построена школа, она тушила ходила, ветер чтобы повернул она это, ходила, помню, у нее вся куртка была уже, ну уже прожгана, такая в этих, она ходила, ветер повернул и другие дома не загорелись, школа сгорела и все. А ветер был вообще сумасшедший, от грозы загорелась, гроза раз и все молния, это я помню, это я была, наверное, в 4 классе, я помню, мы написали контрольные, а ответов и не узнали, у нас все сгорело. Там восстанавливали»¹³.

А.А. Артемьева осуждала разрушение храмов. В деревне Ряпусово, откуда она родом,

была церковь Успения Пресвятой Богородицы: «В церкви был сельсовет, так Господь не допустил, сгорела»¹⁴. Людей, разрушавших церкви, по мнению «знающей», ожидало справедливое суровое возмездие: «Старик снял колокола с церкви, его оборвало красными шишками, и старуху его <...> Вот так Господь его наказал»¹⁵.

В картине мира А.А. Артемьевой, воспитанной в староверческом социуме, важное место занимает эсхатология: «Белый свет смешался. У нас леса спасают, а то бури. В Библии говорится: весь мир будет проволокой связан, и откуль говорить будут, везде слышно будет»¹⁶.

Сюжет другого эсхатологического рассказа о конце света представляет контаминацию христианских мотивов о Божьем наказании людей, которые перестали следовать заветам Бога, молиться, с мотивами, восходящими к архаическим представлениям о времени первотворения (хаос, отсутствие стихий) и происхождении людей от брака женщины с медведем (медведь – предок людей): «При конце века, – говорили старики, – да не будут мужчины, только на семиметровом дереве народу останутся <...> Медведь прошел. Женщины говорят: “не мой ли муж прошел”. Задняя нога у медведя как у человека <...> Молящие есть, а ежели совсем молящих нет. А, видишь, Господь сказал: “Хоть один молящий на свете буде, буде свет продолжен. Грому не будет, молнии не будет, все стане теряться. Все это исчезне”. А все еще есть. Дак вот только ли будет, ли нет <...> Вот, верно, Господь это продолжил. Еще терпит в наших грехах. Один молящий буде, все равно свет продолжен буде. Есть еще молящи. Вот по

¹¹АМАЭ РАН. ... Л. 35.

¹²Расшифровка аудиозаписи сделана М.Н. Мелютиной в марте 2015 года.

¹³Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 7. Оп. 8. Д. 358.

¹⁴АМАЭ РАН. ... Л. 34.

¹⁵Там же. Л. 68.

¹⁶Там же. Л. 75.

церквам сейчас сколько»¹⁷. Рассказ, записанный от А.А. Артемьевой, в деталях отличается от аналогичных сюжетов [9, с. 66], например мотивом следов медведя, которые напоминают человеческие. Архаичны мотивы рассказа – ситуация хаоса, мужчины погибли, мужьями выживших женщин могут стать медведи, т. е. новые люди могут появиться от брака женщины с медведем. Медведь выступает здесь в образе предка человека.

А.А. Артемьева не только знаток христианских обрядов и текстов, она – известный на Кенозере ритуально-магический специалист; «тайное» знание ей передал дядя, который знал на добро и на зло, однако она, по словам родственников и соседей, переняла знания исключительно на добро: «Бабушка кое-что там знала. Бабушка не хотела вот все это брать, ну че на зло она не хотела, она брала только на добро. Людям просто помогать»¹⁸. Одно из объяснений отказа брать «тайное» знание на зло: «Да, потому что говорят, кто знает, тот умирает трудно. Как бабушка говорила, что тяжело, надо обязательно, чтоб кому-то передали»¹⁹.

Магические практики А.А. Артемьевой кенозеры характеризуют термином «знает»; здесь знание понимается как сакральное, высшее, полученное человеком помимо его органов чувств [10, с. 461]. И прежде всего она «знает слова» – заговоры [11, с. 31].

Архаические мифологические представления и христианские зачастую взаимодополняют друг друга. Собственная лечебная практика А.А. Артемьевой основана как на христианских, так и на магических элементах. Сама «знающая» считает, что лечит с помощью Бога. «Тайное» знание А.А. Артемьевой и отправление ею магических практик неотделимо от веры в Бога: «Да, да, она верила

в бога. Верила. Ну, она помогала людям, много помогала. Так если, например, заболел теленок или корова, потерялась где-то чего-то. Она все сходит, сделает и коровушка на место придет, и теленок поправится. Так же и к детям тоже. Маленьких всегда купала. У меня трое, так она всех выкупала, окрестила. Така была бабушка хорошая. Гостеприимна была очень. Придешь, так без чая никогда не отпустит <...> Напекет она рыбников и две нямки, хлеб то тогда пекли свой»²⁰. Деятельность Артемьевой – и магическая, и бытовая – определяется термином «помощь». Помощь ближним совпадает с христианским заветом любви к ближнему.

Внучкам, которым Артемьева передала заговоры, она говорила: «Если будете верить в Бога, то слова (заговоры. – Н. М.) припадут вам»²¹. Иначе говоря, одна только передача заговоров недостаточна, ее необходимо подкрепить верой в Бога. Как признается одна из внучек: «но мы не верили». Вторая внучка, которая восприняла знание бабушки и сейчас занимается лечением, не вполне верит: «верю не верю, а помогает».

Представления о связи веры и способности лечить основаны на евангельских сюжетах об исцелении и вере в Бога. В Евангелии от Матфея есть эпизод об исцелении бесноватого, в котором вера рассматривается как залог выздоровления. Однажды ко Христу подошел человек и попросил Его: «Господи! Помилуй сына моего; он в новолуния беснуется и тяжело страдает; <...> я приводил его к ученикам Твоим, и они не могли исцелить его» (Мф. 17:15–16). Иисус приказал бесу, бес вышел вон, и отрок исцелился, как сказано, «в тот час» (Мф. 17:18). Апостолы спросили Христа, почему им не удалось вылечить больного. «Иисус же сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю вам:

¹⁷АМАЭ РАН. ... Л. 75, 89.

¹⁸Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 7. Оп. 8. Д. 358.

¹⁹Там же.

²⁰Там же.

²¹Расшифровка аудиозаписи сделана М.Н. Мелютиной в марте 2015 года.

если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажите горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет, и ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17:20). В Евангелии от Марка отец больного просит: «Если что можешь, сжался над нами и помоги нам» (Мк. 9:22), Христос отвечает: «Если сколько-нибудь можешь верить, все возможно верующему» (Мк. 9:23). И тогда отец воскликнул со слезами: «Верую, Господи! помоги моему неверию» (Мк. 9:24).

В приведенных примерах слово «вера» имеет архаичное значение «договор» и «доверие» [10, с. 270]. В соответствии с христианскими представлениями человек должен верить в Бога, и поэтому Бог помогает ему исцелиться, а ритуальный специалист является лишь посредником в этом процессе. С другой стороны, по народным представлениям, вера наделяется спасительной, животворящей силой; так, в пословицах: «Вера спасает. Вера животворит».

А.А. Артемьева успех проводимых ею лечебных обрядов объясняет как магическими представлениями о совместимости/несовместимости знахарки и пациента по крови, так и Божьим благословением. По народным представлениям, у светловолосых людей с белой кожей «белая кровь», у темноволосых со смуглой кожей – «черная». Лечить больного с белой кровью может знахарка с такой же кровью – «по крови», и наоборот, больного с черной кровью не может вылечить знахарка с белой кровью – «не по крови». Сама Артемьева важнейшее место в достижении успеха лечебного обряда отводит благословию Божьему: «Иногда бабку Шуру Кухтину позовут, так ребенок доревелся, почернел. Меня позвали, я поделала, вымыла. Пойди благословясь. Тетка Шура – не по крови пришлась. Надо было перемыть»²².

Некоторыми воцерковленными жителями Кенозерья магическая деятельность «знающей» оценивается как греховная. Одна из внучек Артемьевой отмечает: «Так-то по идее не по этим по правилам. Если кто верит в Бога, нельзя ничего такого делать. Вот, а бабушка вот это делала»²³. Большая часть обрядов, которые отправляла А. Артемьева, и заговоров, которые она произносила, носит магический характер, христианский элемент заключается в том, что при проведении обрядов и чтении заговоров она постоянно осеняет себя крестным знаменем: «Крест кладешь, когда слова (заговоры. – Н. М.) говоришь»²⁴.

Как уже говорилось, Артемьева различает несколько «хозяев» природы – лесного, водяного. Озеро Кенозеро в мифологическом сознании кенозер надделено высоким сакральным статусом. Многие лечебные обряды, которые проводила А. Артемьева, основаны на обращении за помощью к воде или властителям вод: «Морской царь, морская царица, дай мне водицы не для хитрости, не для мудрости, на сон, на покой...»²⁵.

Еще одна специализация А.А. Артемьевой – лечение маленьких детей с помощью ношения на «зорю»; магическая практика основана на обращении за помощью к стихии – заре. Так, в архаическом заговоре: «Маленького ребенка <...> он более <...> на три зори носят: “Зоренька-зорница, красная девица, вечерняя Марья, утренняя Дарья, возьми у раба Божьего ... денную плакушу, ночную рыкушу <...> дай рабу Божью сон, покой на век свой и на всю великую божескую милость. От рожденья до венца, а от венца до смертного конца”»²⁶.

А.А. Артемьева славилась лечением укуса змеи («гад уклует»). Во время проведения обряда лечения она читала архаический текст

²²АМАЭ РАН. ... Л. 34.

²³Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 7. Оп. 8. Д. 358.

²⁴АМАЭ РАН. ... Л. 34.

²⁵Там же. Л. 46.

²⁶Там же. Л. 44.

заговора и «шоркала» (терла) укушенное место медным предметом: «Стану благословясь, пойду перекрестясь, выйду в чистое поле, в чистом поле стоит окиян святое море, в этом окияне святом море лежит окиянский камень. Две змеи змееные клюют этот окиянский камень. Как этот камень не болит, не щемит, так бы у раба Божьего (имярек) не болело, не щемило. Аминь, аминь, аминь»²⁷.

Христианскую окраску имеют зачин заговора и концовка – упоминается «святое» море. Кроме того, как уже говорилось, во время чтения заговора Агафья Александровна постоянно крестится и крестит укус. Казалось бы, перед нами магический обряд лечения укуса змеи, имеющий вполне прагматическую цель, однако и он связан с библейской мифологией, в которой Сатана предстает в образе змея. Так, основой записанного от А.А. Артемьевой этиологическом рассказа об образовании твердых и мягких кожных покровов человека служит библейский сюжет о грехопадении: змей-сатана соблазняет первых людей Адама и Еву, скармливает плод с дерева познания (в версии исполнительницы – «ягодину»), за это Господь наказывает их: «У них была кожа, как на ногтях. Сатана все под них подбиралась, скормила им ягодину <...> Сделалась кожа как человечья»²⁸. Вероятно, мотив искушения людей сатаной попал в репертуар «знающей» не из Библии, а из духовного стиха:

Прельстила змея подколодная,

Приносила ягоды с едина дерева,

Одну ягоду воскушал Адам с Евою... [12, № 59].

В записанном от А.А. Артемьевой прозой духовном стихе об Егории Храбром (Георгии Победоносце), спасшем от змея («трехглавой змеи») Олисафию, также сочетаются архаические мотивы (битва Змееборца со змеем) и христианские (подвиг Георгия Победонос-

ца, его победа над змеем; в христианской интерпретации змей символизирует сатану, зло). В версии А.А. Артемьевой в финале повествования – этиологические мотивы происхождения змей от мифологического змея: Егорий бросает на землю побежденного змея, и из его тела образуются змеи²⁹. В духовных стихах мотив возможного образования змей из тела мифологического змея иной: царевна, спасенная Егорием, приводит плененного змея во дворец и требует от отца-язычника принять христианство, тогда она «распустит» змею на маленьких змей, в противном случае угрожает отпустить змея:

Уж вы веруйте веру хрестьянскую,

Вы молитесь самому Христу...

Как состроите церковь богомольную,

Я сведу змею да ко синю морю,

Распущу змею я на маленьки да на гаденыши

Я на тоненьки на веретеныши

Распущу змею да по всей Руси.

Не состроите церковь богомольную,

Я спущу змею да взад по-старому [13, № 15].

А.А. Артемьева так комментирует рассказ: Егорий – святой, помогающий «и в огне, и в воде».

Мифологический мотив рассказа о змее и человеке восходит к архаическим соматическим представлениям о том, что пятка – уязвимое место, связанное с представлениями о смерти. Архаические мотивы сочетаются с христианскими представлениями: Бог – противник змеи, он спасает человека, обманув змея: «Змея спросила у Господа Бога: “Где смерть у человека?” Господь отвел (обманул. – Н. М.), что смерть в голове у человека. Она башку вздымает. Она в лицо оклевала (укусила. – Н. М.)»³⁰. По народным представлениям, укус змеи в пятку вызывает смерть: «Как клонет в пятку змея и все, ничего с человеком не сделать»³¹. О том же в русской загадке о змее: «В ногах ползает, а за пятку хватает». Ср.: выражение «ахиллесова

²⁷АМАЭ РАН. ... Л. 47.

²⁸Там же. Л. 83.

²⁹Там же. Л. 82.

³⁰Там же. Л. 40.

³¹Там же.

ва пята» – «уязвимое, слабое место» (из греческого мифа об Ахилле).

Мифологический рассказ о змее, которая «пытается укусить человека в голову», представляет собой переосмысление библейского сюжета: «И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей; и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пята» [Быт. 3:14–15]. В соответствии с интерпретацией богословов Бог после грехопадения первых людей проклинает сатану и обещает, что между ним и людьми будет борьба; от жены произойдет Спаситель мира, который победит дьявола.

От А.А. Артемьевой также записаны архаические поверья о змеях. Так, мотив «змея плывет, у нее во рту лом-трава»³² восходит к архаическим представлениям о связи змеи с водой. Кенозера верили, что укушенному змеей человеку нужно немедленно бежать к воде, причем сделать это он должен раньше змеи: обмыть рану и выпить воды, тогда укус не причинит вреда, а змея сохнет. Человек с помощью воды должен был восполнить жизненную силу, утраченную в результате укуса змеи. Змея также связана с небесной сферой; так, она рождает детенышей на дереве, чтобы они ее не «заклевали». По представлениям кенозер, если ударишь змею, ее непременно нужно убить, причем ударом в голову (ср.: христианские представления).

А.А. Артемьева – знаток проведения достаточно редкого архаического обряда лечения боли в ушах – *усови* (вероятно, отита; «усовь» – колющая боль). «Знающая» точно описывает не только вербальную, но и акциональную сторону обряда: «Усовь в ушах, боль така, заколешь. Уши закалывать – надо без гайки (ножницы. – Н. М.), пока гайка есть, слова не при-

станут, по солнышку ведешь, аминь, и плюнуть в ухо: “Усовь, ты, усовь, не коли рабого божьего младенца ... ты в уши, ты меня раз, я тебя два <...> ты меня восемь, я тебя девять (вот в самое ухо и колешь) – ты, кластань, ты пластань, будь мертва во веки веков”»³³. Ножом или ножницами следует не только закалывать, но и крестить больной орган. Обрядовые акции основаны на представлении о возможности уничтожения – *закалывания* – болезни острым металлическим предметом, а также на уменьшительном счете, символизирующем уничтожение болезни.

При проведении обряда лечения А.А. Артемьева проявляла незаурядные драматические способности; так, угрожающими интонациями, резкой жестикуляцией она изображала «прение живота и смерти», борьбу и победу над болезнью. По мнению Б. Малиновского, в подобных практиках проявляется архаический характер магии [14, с. 71–74].

Таким образом, А.А. Артемьева, несмотря на христианские убеждения и веру в Бога, являлась знатоком и ритуальным специалистом в области магических практик. Она знала множество предписаний и запретов, связанных с этой деятельностью; так, например, знахарка, потерявшая зубы, не может лечить: «Слова не пристають». Артемьева полагала, что ни при каких обстоятельствах нельзя отказывать пациентам в помощи. По ее мнению, с пациентов нельзя брать деньги, вместе с тем она допускала приношение натуральных продуктов: «Бабушка никогда у нас подарков не любила. И вот даже люди-то когда она че-нибудь делала, например, она грыжи вот заговаривала, <...> у нас вот есть такой ездит с Москвы, <...> в Москве у него, у этого у сына ставили, что надо у него грыжу надо было удалять <...> ничего, не брала, потому что по идее нельзя брать-то ниче, <...> просто они там ей там какой-то платок, или че-то потом уже купили так чисто, а так она ничего, нельзя потому что брать-то»³⁴.

³²АМАЭ РАН. ... Л. 49.

³³Там же. Л. 54.

³⁴Научный архив ФБГУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 7. Оп. 8. Д. 358.

А.А. Артемьева делила «знающих» на две категории: тех, кто, как и она сама, лечит *словами* (заговорами) с помощью Бога, и ритуальных специалистов – *ворожек*, колдунов, помощниками которых являются демонологические персонажи – лешие и черти [11, с. 26].

В соответствии с христианскими представлениями о грехе, колдунов и ворожек, которым служат лешие, домовые и черти, ожидает тяжелая смерть («их мучают помощники»), особенно в том случае, если они не передали свое колдовство: «Когда тетка умирала («знающая», помощником которой был домовый. – *Н. М.*), все окна хлопали, по потолку кто-то бегал, все испугались»³⁵.

От Артемьевой записан достаточно редкий в русской фольклорной традиции рассказ о том, как к умирающей колдунье прилетают и черти, и ангелы, и ей удается «отмолить» грехи и спасти душу³⁶. По традиционным русским представлениям, колдун продает душу дьяволу во время прохождения обряда посвящения, и душа его погибает.

Сформулированная Т.А. Бернштам задача выявления удельного веса и ценностного статуса церковно-догматического учения и опыта в символизме так называемого бытового, или народного, христианства (православия) [3, с. 9] в каком-то фрагменте духовной культуры достаточно сложна. Магические тексты и практики в картине мира и символическом поведении А.А. Артемьевой сочетаются с христианскими и нередко перетекают друг в друга. Вместе с тем некоторые представления – исключительно христианского характера. Целый пласт мифопоэтических образов и символов, связанных с болезнями, с персонажами низшей мифологии, сохраняет архаический магический характер. Однако сама «знающая» считала деятельность колдунов греховной. Основным источником ее христианских представлений – апокрифы и духовные стихи. Анализ «текстов» А.А. Артемьевой позволяет сделать вывод о том, что доминантой ее мировоззрения являлась вера в Бога.

Список литературы

1. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (XI–XII вв.). М., 1999.
2. Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1. С. 3–412.
3. Бернштам Т.А. Молодость в символике переходных обрядов восточных славян. Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000.
4. Толстой Н.И. Религиозные верования древних славян // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 142–155.
5. Смелянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. М., 2003.
6. Мелютин М.Н., Терехин Н.М. Сакральный ландшафт Кенозерья. Архангельск, 2013.
7. Бернштам Т.А. Русская народная культура и народная религия // Сов. этнография. 1989. № 1. С. 91–100.
8. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1977.
9. Фольклор старообрядцев Литвы. Т. 2. Народная мифология. Поверья. Бытовая магия / сост. Ю. Новиков. Вильнюс, 2009.
10. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
11. Мазалова Н.Е. «Знающие» Кенозера: магическая сила и «тайное» знание // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2014. № 6. С. 25–34.
12. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.; Л., 1958.
13. Сочинения П.И. Якушкина. СПб., 1884.
14. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 1998.

³⁵АМАЭ РАН. ... Л. 46.

³⁶Там же. Л. 37.

References

1. Danilevskiy I.N. *Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (XI–XII vv.)* [Early Russia Through the Eyes of Contemporaries and Descendants (11th – 12th Centuries)]. Moscow, 1999.
2. Petrukhin V.Ya. *Drevnyaya Rus': Narod. Knyaz'ya. Religiya* [Early Russia: People. Princes. Religion]. *Iz istorii russkoy kul'tury* [From the History of Russian Culture]. Moscow, 2000. Vol. 1, pp. 3–412.
3. Bernshtam T.A. *Molodost' v simvolike perekhodnykh obryadov vostochnykh slavyan. Uchenie i opyt Tserkvi v narodnom khristianstve* [Youth in the Symbolism of Transition Rites of East Slavs. Doctrine and Experience of the Church in Folk Christianity]. St. Petersburg, 2000.
4. Tolstoy N.I. *Religioznye verovaniya drevnykh slavyan* [Religious Beliefs of Early Slavs]. *Ocherki istorii kul'tury slavyan* [Essays on the History of Culture of Slavs]. Moscow, 1996, pp. 142–155.
5. Smilyanskaya E.B. *Volshebnyki. Bogokhul'niki. Eretiki* [Wizards. Blasphemers. Heretics]. Moscow, 2003.
6. Melyutina M.N., Terebikhin N.M. *Sakral'nyy landshaft Kenozher'ya* [The Sacred Landscape of Kenozero Area]. Arkhangelsk, 2013.
7. Bernshtam T.A. *Russkaya narodnaya kul'tura i narodnaya religiya* [Russian Folk Culture and Folk Religion]. *Sovetskaya etnografiya*, 1989, no. 1, pp. 91–100.
8. Zelenin D.K. *Vostochnoslavyanskaya etnografiya* [East Slavic Ethnography]. Moscow, 1977.
9. *Fol'klor staroobryadtsev Litvy. T. 2. Narodnaya mifologiya. Pover'ya. Bytovaya magiya* [Folklore of Old Believers in Lithuania. Vol. 2. Folk Mythology. Beliefs. Home Magic]. Comp. by Novikov Yu. Vilnius, 2009.
10. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. The Dictionary of Russian Culture. Studies]. Moscow, 1997.
11. Mazalova N.E. “Znayushchie” Kenozero: magicheskaya sila i “taynoe” znanie [“The Knowledgeable” of Kenozero: Magic Power and Sacred Knowledge]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2014, no. 6, pp. 25–34.
12. *Drevnie rossiyskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirshayu Danilovym* [Early Russian Poems Collected by Kirsha Danilov]. Moscow, Leningrad, 1958.
13. *Sochineniya P.I. Yakushkina* [Works by P.I. Yakushkin]. St. Petersburg, 1884.
14. Malinovskiy B. *Magiya, nauka i religiya* [Magic, Science, and Religion]. Moscow, 1998.

Mazalova Nataliya Evgenyevna

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography,
Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

FOLK CHRISTIANITY AND MAGIC PRACTICES OF “THE KNOWLEDGEABLE” OF KENOZERO

In recent decades, Russian scholars have been actively investigating folk Orthodoxy as an integrated religious, ritual and mythological system. This article aimed to describe and interpret magic texts and practices of A.A. Artemyeva – a “knowledgeable” belonging to the famous Sidorov family of narrators in Kenozero. An important place is given to the structural and functional analysis of the system of connections and relationships between the elements of canonical Orthodox theology and popular piety. The author studied field materials obtained during the expeditions to Kenozero (Plesetsk and Kargopol districts of the Arkhangelsk Region) in the summer of 1991. The methodology of the paper is based on the comparative historical method of studying popular religiousness, allowing us not only to identify historical strata of different times in its structure (dogmatic Church doctrine and magic experience), but also to determine their proportion and mechanisms of relationships between them.

ИСТОРИЯ

The author reveals that a ritual specialist's Christian worldview is based on the canonical Bible and Apocrypha, which were popular among Old Believers. The pagan (non- or pre-Christian) components of the integrated religious system reflect the local mythological beliefs in Kenozero. The narratives under study, recorded from the "knowledgeable" and representing a contamination of archaic and Christian motifs and images, are unique in many respects. Having looked into the ritual specialist's philosophy, the author came to the conclusion that its magic beliefs are combined with the Christian ones and often flow into each other. The "knowledgeable" herself believes that her magic practices, unlike the sinful work of wizards, are pleasing to God.

Keywords: *folk Christianity, "the knowledgeable" of Kenozero, ritual specialist, magic practices, secret knowledge.*

Контактная информация:
адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3;
e-mail: mazalova.nataliya@mail.ru